

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Слово о полку Игореве,  
Игоря Святославля, внука Олегова

Древнерусский текст



im WERDEN-VERLAG  
МОСКВА - AUGSBURG 2002

Древнерусский оригинал «Слова» (по изданию 1800 г.) воспроизводится в исправленном виде; все необходимые поправки внесены в текст. Орфография максимально приближена к современной.

© «Im-Werden-Verlag», 2002

<http://www.imwerden.de>  
[info@imwerden.de](mailto:info@imwerden.de)

Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о полку Игореве, Игоря Святославлича! Начати же ся той песни по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню! Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мысию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы. Помняшетъ бо речь первых времен усобице, — тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей; который дотечаше, та преди песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полку касожьскими, красному Романови Святославличю. Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пушаше, но своя веща персты на живая струны воскладаше; они же сами князем славу рокотаху.

Почнем же, братие, повесть сию от стараго Владимирера до ныняшнаго Игоря, иже истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наполнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полку на землю Половецкую за землю Руськую.

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа полку ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы! Пети было песнь Игореве, того внуку: «Не буря соколы занесе чрес поля широкая, галици стады бежать к Дону великому». Чи ли воспети было, вещей Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржуть за Сулою, звенить слава в Кыеве. Трубы трубятъ в Новеграде, стоять стязи в Путивле».

Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй-тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый ты, Игорю! Оба есве Святославличя. Седлай, брате, свои борзый комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни — сведоми кмети: под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конецъ копия въскормлени; пути имь ведоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачють, акы серыи волци в поле, ищучи себе чти, а князю славе».

Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: «Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои борзые комони, да позрим синего Дону!» Спала князю умь похоть, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго. «Хошу бо, — рече, — копие приломити конецъ поля половецкаго с вами, русици! Хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

Тогда въступи Игорь князь в злат стремь и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонуши ему грозою, птичь убуди; свист зверин въста; збися Див, кличет верху древа — велит послушати земли незнаеме, Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмотораканьский болван! А половци неготовами дорогами побегоша к Дону великому; крычат телегы полунощы, рци лебеди распужени.

Игорь к Дону вои ведет. Уже бо беды его пасет птиць по дубию; волци грозу въерожат по яругам; орли клетком на кости звери зовут; лисици брешут на черленя щиты. О Руская земле, уже за шеломянем еси!

Долго ночь меркнет. Заря свет запала, мгла поля покрыла; щекот славий успе, говор галичь убудиси. Русичи великая поля черлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы.

С зарания в пяток потопташа поганья полкы половецкыя и, рассушась стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотом и грязивым местом — и всякымн узорочьи половецкыми. Черлен стяг, бела хирюговь, черлена чолка, сребрено стружие — храброму Святославличю!

Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было оно обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чернѣй ворон, поганѣй половчине! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след править к Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свет поведают; черныя тучя с моря идут, хотят прикрыти 4 солнца, а в них трепещуть синии молнии. Быти грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великаго! Ту ся копием приламат, ту ся саблям потручяти о шеломы половецкыя, на реце на Каяле, у Дону великаго. О Руская земле, уже за шеломянем еси!

Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя полкы Игоревы. Земля тутнет, реки мутно текутъ; пороси поля прикрывають; стязи глаголют — половци идутъ от Дона и от моря; и от всех стран Рускыя полкы оступиша. Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии русици преградиша черлеными щиты.

Яр туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, тур, поскочяше, своим златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганья головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя от тебе, яр туре Всеволоде! Кая рана дорога, братие, забыв чти, и живота, и града Чернигова, отня злата стола и своя милыя хоти красныя Глебовны свычая и обычая!

Были вечи Трояни, минула лета Ярославля; были полци Олговы, Ольга Святославличя. Той бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше; ступает в злат стремянь в граде Тьмуторокане, — той же звон слыша давнѣй великѣй Ярославль сын Всеволод, а Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове. Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе и на ковыле зелену паполому постла за обиду Олгову, — -храбра и млада князя. С тоя же Каялы Святополкъ полелея отца своего между угорьскими иноходьцы ко святей Софии к Киеву. Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука, в княжих крамолах вещи человекомъ скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, но часто врани гряхуть, трупиа себе дяляче, а галици свою речь гозоряхуть, хотятъ полетети на уедие. То было в ты рати и в ты полкы, а сицеи рати не слышано.

С зарания до вечера, с вечера до света летят стрелы каленыя, гримлют сабли о шеломы, трещат копиа харалужныя в поле незнаеме, среди земли Половецкыи. Черна земля под копыты костью была посеяна, а кровию польяна; тугою въздоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звонить далече рано пред зорями? Игорь полкы заворочает: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другѣй; третьяго дни к полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пир докопчаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилося.

Уже бо, братие, не веселая година възстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, възплескала лебедиными крылы на синем море у Дону: плещучи, упуди жирня времена. Усобица князем на поганья погыбе, рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про

малое «се великое» молвити, а сами на себе крамолу ковати. А погании с всех стран прихождаху с победами на землю Рускую.

О, далече зайде сокол, птицъ бья, к морю! А Игорева храбраго полку не кресити! За ним кликну карна, и жля поскочи по Руской земли, смагу мычючи в пламяне розе. Жены руския въсплакашась, аркучи: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!»

А въстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуше на Рускую землю, емляху дань по беле от двора.

Тии бо два храбрая Святославлича, Игорьь и Всеволод, уже лжу убудиста, которую то бьяше успил отец их Святославъ грозный великий Киевский грозою: бьяшетъ притрепетал своими сильными полкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта холми и яругы; взмути реки и озера; иссуши потоки и болота; а поганого Кобяка из луку моря от железных великих полков половецких, яко вихр, выторже, — и падеся Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святославли. Ту немци и венедици, ту греци и морава поют славу Святославлю, кають князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы, реки половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорьь князь выседе из седла злата, а в седло кощиево. Уныша об градом забралы, а веселие пониче.

А Святославъ мутен сон виде в Киеве на горах. «Си ночь, с вечера, одевахуть мя — рече — черною паполомою на кровати тисове; черпахуть ми синее вино, с трудомъ смешено; сыпахуть ми тощими тулы поганых толковин великий женчюгъ на лоно и неговахуть мя. Уже доски без кнеса в моем тереме златоверсем; всю ночь с вечера босуви врани възгряху у Плеснеска на болони, беша дебрь Кисаню и не сошлю к синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила: се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припешали поганых саблями, а самую опутаща в путины железны. Темно бобе в 3 день: два солнца померкоста, оба багряная столпа погасоста и с ними молодая месяца, Олег и Святослав, тьмою ся поволокоста и в море погрузиста, и великое буйство подаста хинови. На реце на Каяле тьма свет покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо. Уже снесесе хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже вержесе Дивь на землю. Се бо готския красныя девы воспеша на брезе синему морю, звоня рускым златом; поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий Святослав изрони злато слово, с слезами смешено, и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати: но не честно одолесте, не честно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена. Се ли створисте моей сребреней седине!

А уже не вижду власти сильного и богатаго и многовая брата моего Ярослава с черниговьскими былями, с могуты, и с татраны, и с шельбиры, и с топчакы, и с ревугы, и с ольберы: тии бо бес щитовъ с засапожники кликом полкы побеждают, звонячи в прадедную славу.

Но рекосте: «Мужаимесе сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю си сами поделим!» А чи диво ся, братие, стару помолодити! Коли сокол в мытех бывает, — высоко птицъ възбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но се зло: княже ми непособие — наниче

ся години обратиша. Се у Рим кричат под саблями половецкими, а Володимир — под ранами. Туга и тоска сыну Глебову!

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеш Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощей по резане. Ты бо можеш посуху живыми шерешеры стреляти — удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли вои злаченными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают, акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаеме! Вступита, господина, в злат стремь за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича!

Галички Осмомысле Ярославле! Высоко седиши на своем златокованнем столе, подпер горы угорский своими железными полки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяеши Киеву врата, стреляеши с отня злата стола салтани за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганого кощей, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носит ваш ум на дело. Высоко плаваеши на дело в буести, яко сокол, на ветрех ширяся, хотя птицу в буйстве одолети. Суть бо у ваю железный папорзи под шеломы латинскими: теми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулицы своя повергоша а главы своя подклониша под тыи мечи харалужныи. Но уже, княже, Игорю утрпе солнцю свет, а древо не бологом листвие срони — по Роси и по Сули гради поделиша. А Игорева храбраго полку не кресити. Дон ти, княже, кличет и зоветь князи на победу. Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань.

Ингварь и Всеволод и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрилци! Не победными жребии себе власти расхытите! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича!

Уже бо Сула не течет сребренными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых. Един же Изяслав, сын Васильков, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а сам под черлеными щиты на кроваве траве притрепан литовскими мечи, и схоти ю на кровать и рек: «Дружину твою, княже, птицъ крилы приоде, а звери кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода. Един же изрони жемчюжну душу из храбра тела чрес злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселие, трубы трубят городеньскии.

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени — уже бо выскочисте из дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которою бо беше насилие от земли Половецкыи».

На седьмом веце Трояни врьже Всеслав жребий о девицу себе любу. Той клюками подпръся, оконися и скочи к граду Киеву, и дотчеся стружием злата стола Киевскаго. Скочи от них лютым зверем в полночи из Белаграда, обесися сине мъгле; утръ же вознзи стрикусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немиги с. Дудуток. На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни — посеяни костыми руских сынов. Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а



сам в ночь волком рыскаше; из Києва дорискаше до кур Тмутороканя, великому Хорсови волком путь прерыскаше. Тому в Полотске позвониша заутреню рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Києве звон слыша. Аще и вещь душа в дерзе теле, но часто беды страдася. Тому вещей Боян и первое припевку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда божиа не минути».

О, стонати Руской земли, помянувшя первую годину и первых князей! Того старого Владимира нельзе бе пригвоздити к горам киевским! Сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы, но розно ся им хоботы пашут, копиа поют.

На Дунаи Ярославнын глас ся слышит, зегзицею незнаема рано кычеть: «Полечю — рече — зегзицею по Дунаеви, омочю бибрян рукав в Каяле реце; утру князю кровавыя его раны на жестоцем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: «О, ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееши! Чему мычеша хиновьскыя стрелки на своею нетрудною крилцю на моя лады вои? Мало ли ти бьшет горе под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море! Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?»

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле, аркучи: «О, Днепре Словутицю! Ты пробил еси каменныя горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеял еси на себе Святослави носады до полку Кобякова. Возлелей, господине, мою ладу ко мне, а бых не слала к нему слез на море рано!»

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: «Светлое и тресветлое солнце! Всем тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? В поле безводне жажду имь лучи съпряже, тугою им тули затче?»

Прысну море полунощи; идут сморци мъглами. Игореви князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую, к отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерит от великаго Дону до малаго Донца. Комонь в полуночи. Овлур свисну за рекою; велить князю разумети. Князю Игорю не быть! Кликну; стукну земля, въшуме трава, вежи ся половецкий подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаем к тростию и белым гоголем на воду. Въвержеся на борз комонь и скочи с него босым волком. И потече к лугу Донца и полете соколом под мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку и обеду и ужине. Коли Игорь соколом полете, тогда Влур волком потече, труся собою студеную росу; преторгоста бо своя борзая комоня.

Донец рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величия, лелеявшю князя на волнах, стлавшу ему зелену траву на своих сребреных брезех, одевавшю его теплыми мглами под сению зелену древу; стрежася его гоголем на воде, чайцами на струях, чернядьми на ветрех». Не тако ли — рече — река Стугна; худу струю имея, пожръши чужи ручьи и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днепрь темне березе. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславе. Уныша цветы жалою, и древо с тугою к земли преклонилося.

А не сорокы втроскоташа — на следу Игореве ездит Гзак с Кончаком. Тогда врани не граахуть, галици помолкоша, сорокы не трескоташа, полозие ползоша только. Дятлов тектом путь к реце кажут, соловии веселыми песьми свет поведают. Молвит Гзак Кончакови: «Аже сокол к гнезду летит, соколича ростреляеве своими злаченными стрелами». Рече Кончак ко Гзе: «Аже сокол к гнезду летит, а ве соколца опутаеве красною дивицею». И рече Гзак к Кончакови: «Аще его опутаеве красною девицею, ни нама будет сокольца, ни нама красны девице, то почнут наю птици бити в поле Половецком».

Рек Боян и ходы на Святославля песнотворца старого времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: «Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы» — Руской земли без Игоря. Солнце светится на небесе — Игорь князь в Руской земли. Девици поют на Дунаи, вьются голоси чрез море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святей богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

Певше песнь старым князем, а потом молодым пети. Слава Игорю Святославличю буй-туру Всеволоду Владимиру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганья полки. Князем слава а дружине! Аминь.